

На правах рукописи

Тепкеев Владимир Толтаевич

**РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И КАЛМЫКИ:
ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
В XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII ВЕКА**

Специальность 07.00.02 – отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Улан-Удэ – 2020

Работа выполнена в ФГБУН «Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Команджаев Александр Нармаевич

Официальные оппоненты: **Орлова Кеemia Владимировна**,
доктор исторических наук, ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук, отдел Кореи и Монголии, ведущий научный сотрудник

Джунджужов Степан Викторович,
доктор исторических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный педагогический университет», кафедра истории России, профессор

Бобров Леонид Александрович,
доктор исторических наук, ФГАОУ ВО «Новосибирский национальный исследовательский государственный университет», лаборатория гуманитарных исследований, ведущий научный сотрудник

Ведущая организация: **ФГБУН Институт российской истории Российской академии наук**

Защита состоится 17 декабря 2020 г. в 10.00 ч. на заседании диссертационного совета Д003.027.01 при ФГБУН Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН по адресу: 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Центральной научной библиотеке ФГБУН Бурятского научного центра СО РАН по адресу: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6 и на сайте www.imbt.ru.

Автореферат разослан 24 сентября 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Жамсуева Дарима Санжиевна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблема истории политических взаимоотношений в многонациональном и многоконфессиональном Российском государстве всегда была объектом внимания научной общественности. В начале нового тысячелетия она приобретает качественно новое значение, поскольку принимает еще более сложный характер. В историческом контексте имеет значение для более глубокого осмысления процессов, происходящих в современном обществе.

Российское государство, как евразийская империя, включило в свой состав десятки народов, проживающих на ее территории. Сегодня федеративное устройство Российской Федерации является оптимальным условием для реализации народами России права на самоопределение с сохранением единства государства. В связи с этим весьма актуальна и концепция государственной национальной политики, учитывающая необходимость обеспечения единства и целостности страны в новых исторических условиях развития государственности, согласования общегосударственных интересов и заинтересованности всех ее народов в интеграции, налаживания их всестороннего сотрудничества, развития национальных языков и культур.

Исторический анализ устройства Российского государства, особенно включения народов в его состав, причин устойчивости его конструкции позволяет выработать стратегические задачи в области национальной политики. Но для этого необходимо взвешенное и объективное рассмотрение исторического прошлого, без политической ангажированности и оценочного суждения. Также важно, чтобы формирование национального самосознания шло на основе беспристрастного и аргументированного знания.

Данная тема в указанных хронологических рамках представляет наибольший интерес в изучении исторического прошлого калмыцкого народа, предками которого были ойраты (западные монголы). Начальный процесс политической интеграции калмыков в Российское государство был весьма длительным и сложным. Появление ойратов у сибирских границ Московского государства и продвижение их на запад имеют исторические параллели с событиями про-

шлого, когда кочевые народы из степных глубин Азии стремительно продвигались на запад. Однако история калмыков XVII и XVIII вв. еще недостаточно исследована, а в исторической литературе по этому вопросу имеются противоречия. Фактический материал, извлеченный из архивных данных того времени, позволит приблизиться к истине, что даст возможность составить более достоверную историческую картину.

Степень научной разработанности проблемы. Проблемы политических взаимоотношений Российского государства и калмыков в XVII – первой четверти XVIII в. не были предметом специального исследования, хотя отдельные вопросы рассматривались в ряде отечественных и зарубежных работ. Более подробно этот раздел представлен в первой главе «Историография и источники».

Целью исследования является выявление всего комплекса политических проблем во взаимоотношениях калмыков с Российским государством в XVII – первой четверти XVIII в. и изучение опыта их разрешения в многообразии подходов. Исходя из цели работы и учитывая недостаточную изученность темы, а также ее многоплановый характер, автор поставил перед собой следующие **задачи**:

- показать причины и условия переселения калмыков из Центральной Азии в районы Западной Сибири и образования ойратских этнополитических группировок, в том числе и объединения «волжских калмыков»;
- осветить все этапы политической интеграции калмыков в Российское государство и решение территориальной проблемы в XVII в.;
- дать анализ проблемы соблюдения договоренностей калмыцкой знати и Российского государства в XVII – первой четверти XVIII в.;
- рассмотреть начальный этап христианизации калмыков как одну из проблем в русско-калмыцких отношениях;
- дать характеристику русско-калмыцким переговорам по проблеме ухода части калмыков на Дон во второй половине XVII в.;

- показать влияние российского правительства на отношения калмыков с донскими казаками, особенно в период регионального конфликта в конце XVII в.;
- рассмотреть взаимоотношения российской власти с калмыками в период антиправительственных выступлений на юге страны;
- показать участие калмыков в войнах России и роль российского правительства в решении проблемы безопасности калмыцких улусов;
- проанализировать основные направления политики представителей калмыцкой знати по отношению к царскому правительству, показать методы, применявшиеся ими для достижения своих целей;
- дать представление о конкретной международной политической обстановке и показать роль и значение калмыков в южной политике России;
- рассмотреть административно-политические механизмы государственного управления России в отношении калмыков.

Объектом исследования являются калмыки и Российское государство в XVII – первой четверти XVIII в.

Предметом исследования выступают политические взаимоотношения калмыков с Российским государством в XVII – первой четверти XVIII в.

Хронологические рамки исследования охватывают XVII и первую четверть XVIII в. При их определении в качестве ориентиров учитывался наиболее важный период в истории калмыков, связанный с установлением русско-калмыцких отношений, вхождением в состав Российского государства и образованием Калмыцкого ханства на Волге. Выбор нижней границы хронологического диапазона обусловлен началом миграции западномонгольских этнополитических объединений ойратов из Центральной Азии на южные окраины Западной Сибири и первыми русско-ойратскими посольскими контактами в начале XVII в. В течение всего этого столетия происходит постепенное выделение из общей массы ойратского объединения отдельных групп ойратов, ставших известными как *калмыки*, с дальнейшим переселением их на территорию Северного Прикаспия и концентрацией их на юге Российского государства.

Верхняя граница хронологических рамок ограничивается окончанием петровской эпохи и времени правления Аюки-хана – периодом наивысшего политического взаимодействия калмыцкой правящей знати и Российского государства.

Территориальные рамки работы. История волжских калмыков XVII в. связана с их расселением на юге Российского государства. Ценность владения этими землями заключалась в особой геополитической роли региона на евразийском материке. Необходимо учитывать, что калмыки в начале XVII в. установили связи с администрациями Российского государства в Западной Сибири и в течение этого и начала следующего столетий продолжали поддерживать тесные связи с другими ойратскими этнополитическими объединениями в Западной Сибири и Центральной Азии, государствами и народами Восточной Европы и Средней Азии. Несмотря на то, что основным ареалом кочевания калмыков были степи междуречий Эмбы, Яика, Волги и Дона, они имели довольно интенсивные связи с народами Северного Кавказа и Причерноморья. В связи с вышеизложенным, территориальные рамки исследования включают указанные территории расселения ойратских (калмыцких) этнополитических объединений в XVII – первой четверти XVIII в.

Источниковая база представлена обширным комплексом неопубликованных и опубликованных документов. Основой диссертационного исследования стали документальные материалы, выявленные в различных фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА), Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ) и Национального архива Республики Калмыкия (НА РК). Более подробно этот раздел представлен в первой главе «Историография и источники».

Методология и методы исследования. Методологической основой являются принципы, подходы и подходы современной исторической науки, включающие общенаучные принципы (историзм, объективность, системность) и специальные исторические методы (историко-системный метод, метод диахронического анализа, историко-географической реконструкции). В исследовании применяется комплексный подход к анализу событий и явлений.

Исторический подход основывается на положении о том, что исследование истории взаимоотношений калмыков с Российским

государством обуславливает необходимость выявить политические предпосылки их возникновения, обоснования критериев периодизации и этапов ее развития, определения источниковой базы для реализации поставленных цели и задач.

Объективность в исследовании обеспечивается всесторонним изучением политической истории калмыков рассматриваемого периода и влияния на нее политики Российского государства посредством всестороннего погружения в реальную обстановку того времени.

Системный подход дает возможность рассмотреть историю русско-калмыцких отношений в контексте исторического процесса, с учетом внешне- и внутривнутриполитического положения Российского государства в изучаемый период. Он предполагает применение историко-системного метода исследования.

Историко-генетический метод позволил направленно и последовательно раскрыть свойства, функции и изменения политической интеграции калмыков в состав Российского государства. Являясь по своей логической природе аналитическим, а по форме выражения информации описательным, этот метод позволил выявить причинно-следственные связи, провести анализ установления и развития русско-калмыцких отношений в указанный период. Несмотря на то, что исторические события в диссертационном исследовании показаны в их индивидуальности и конкретности (с применением диахронического метода исследования), нельзя терять упускать из виду общей исторической картины, на фоне которой развивались эти отношения. Изучая последовательность исторических событий русско-калмыцких отношений во времени, недопустимо пренебрегать существенными фактами в их истории, чтобы не исказить историю, или замалчивать факты, которые не укладываются в какую-либо идеологическую или политическую схему. Использование широкой источниковой базы позволило выстроить исторические события в четкой хронологической последовательности, что позволило избежать каких-либо серьезных временных «провалов», которые могли бы повлиять на действительную интерпретацию прошлого. Использование метода помогло выявить ранее неизвестные или малоизвестные страницы калмыцкой истории XVII–XVIII вв.

Историко-сравнительный метод позволил раскрыть сущность явлений, выявить общее, повторяющееся, закономерное, делать обобщения, проводить исторические параллели. При этом сравнение осуществлялось на конкретных исторических фактах, которые отражали существенные признаки явлений, а не формальное сходство.

Метод критического анализа исторических источников применялся для сбора и систематизации материала. Многие исторические явления могут иметь сходное содержание, но разные формы проявления во времени и пространстве и, наоборот, иметь разное содержание, но быть сходными по форме. Источники, будь то русские, калмыцкие или тюркские, довольно часто противоречат друг другу, поэтому диссертант попытался составить хронику исторических событий на основе совпадающих сведений, содержащихся во всех или в большинстве источников. Это позволило избежать односторонности в рассмотрении исторических событий и приблизиться к истине. Надо знать эпоху XVII–XVIII вв., идеологические установки и жизненные ценности того времени, типологию явлений. Однако автор отдает себе отчет в том, что в условиях, когда один, более ранний источник используется авторами последующих исторических сочинений, ошибки и неточности первого могут быть повторены последующими.

В работе широко применялся метод историко-географической реконструкции природно-климатического ландшафта. Без увязки с исторической географией невозможно изучение военной истории калмыков, так как боевой путь калмыцких формирований, участвовавших в войнах России, приходилось восстанавливать по отрывочным документальным свидетельствам. В них, как правило, указывается географическое название местности или населенного пункта, рядом с которым происходило то или иное событие. С введением в научный оборот новых источников и переосмыслением уже известных, в историко-географические описания постоянно вносились изменения и уточнения.

Ни один из названных методов не является универсальным и абсолютным. Их подбор и комплексное использование определялись разнообразием вопросов, относящихся к различным направлениям истории проблемы, без анализа которых не представляется воз-

возможным изучение истории калмыков. Автор использовал методы с учетом их возможностей и пределов, что помогло избежать в работе ошибок и ложных выводов.

Научная новизна представленной работы заключается в том, что осуществлено комплексное, всестороннее и детальное историческое исследование проблемы политических взаимоотношений калмыков с Российским государством в XVII – первой четверти XVIII в., основанное на значительном корпусе источников, впервые вводимых в научный оборот.

На основе новых материалов автором разработана концепция образования ойратских этнополитических группировок в XVII в. Показано, что образование в 30-х гг. XVII в. в Северном Прикаспии отдельной ойратской группировки улусов, состоявшей преимущественно из торгутов и получившей название «волжские калмыки», произошло в результате ее выделения из наиболее крупной сибирской этнополитической группировки ойратов («чакарских калмыков»), куда входили в основном дербетские и хошутские улусы, и последующего присоединения к торгутам нескольких дербетских улусов. В 1640–1660-х гг. в междуречье Яика, Волги и Дона стало постепенно складываться отдельное Калмыцкое ханство, которое продолжало поддерживать связь с другими ойратскими группировками на востоке, в том числе и с Джунгарским ханством.

Диссертантом выявлены новые письменные обращения калмыцких тайшей, адресованных российским монархам и первым лицам государства XVII и первой четверти XVIII в. Наибольшую ценность имеет публикация самого раннего письменного свидетельства русско-калмыцких отношений – письмо калмыцкого тайши Лузана, датированного 1642 г. и адресованного царю Михаилу Федоровичу. Ценность его состоит в том, что это – самое ранее из известных писем калмыцких тайшей на старописьменном монгольском языке. Наличие собственной национальной письменности, созданной в 1648 г., и устоявшаяся посольская традиция позволили представителям калмыцкой знати вести с Российским государством интенсивную переписку – как на региональном уровне, так и с центральными органами власти.

Более детально разработана концепция образования Калмыцкого ханства. Эта тема, как и датировка образования ханства, до сих

пор в историографии остается дискуссионной и требует тщательного исследования и анализа. Точкой отсчета провозглашения Калмыцкого ханства можно считать 1647 г., т. е. время возвращения Дайчина в степи Северного Прикаспия из Джунгарии и Тибета, где он был признан ханом большинством представителей верхушки ойратского сообщества и буддийского духовенства, но без наделения соответствующими атрибутами. На основе документальных материалов конца XVII в. диссертанту впервые удалось определить, что в 1698 г. Аюка получил ханское звание от Далай-ламы VI. Признание Россией ханского статуса Аюки можно отсчитывать с момента подписания «Договорных статей, учиненных на реке Камышенка, между Калмыцким ханом Аюкой и боярином кн. Борисом Голицыным» в 1697 г.

Подробно показана роль калмыков в социальных и национальных движениях в XVII и первой четверти XVIII в. Эта тема долгое время сознательно замалчивалась в историографии, особенно в советский период. Активное участие калмыцкой конницы в подавлении восстаний на юге Российского государства во многом стало решающим фактором в недопущении их широкого распространения на соседние регионы. Обнаруженные уникальные архивные документы позволили конкретно и детально впервые рассмотреть участие калмыков в подавлении Булавинского восстания. Причем рассмотреть не только чисто военную сторону тех событий, но также понять их политическую подоплеку и мотивы, которые двигали калмыцкими правителями, решившими оказать помощь правительственным войскам. Именно успешные действия калмыцкой конницы против повстанцев под Саратовом не позволили Булавину поднять на борьбу с правительством население Среднего Поволжья и объединиться с восставшими башкирами под Уфой.

Освещены роль и значение калмыков в кавказской политике России и их тесные связи с народами Северного Кавказа. Показано, что с середины XVII в. традиционно калмыцкие тайши имели довольно сильное военно-политическое влияние на этот регион. Весьма часто российская администрация использовала этот фактор для продвижения там своих государственных интересов. Борьба с Османской империей и Крымом за влияние на местные народы опиралась не только на дипломатию, но и на вооруженные силы

калмыков. На основе широкого круга новых источников также рассмотрены военно-политические связи калмыков с соседними народами и странами: ногайцами, башкирами, казахами, каракалпаками, а также Персией, Крымским ханством, Османской империей, Польшей, Китаем, Джунгарией и Тибетом. Столь широкая география международных связей ханов и тайшей накладывала отпечаток и на характер русско-калмыцких отношений. Ярким примером этому может послужить первый визит на территорию Российского государства китайского посольства в 1714 г., конечной целью которого была ставка калмыцкого хана Аюки на Волге.

Раскрыта роль калмыцкой знати в процессе административного освоения Россией южного региона и оформления губернского правления в Астрахани. Еще с середины XVII в. представители калмыцкой знати были заинтересованы в особом государственном внимании к проблемам юга страны. Это касалось не только обеспечения безопасности калмыцких улусов от внешних угроз, но и урегулирования внутренних конфликтов с российскими подданными. Поэтому калмыцкие владельцы выступили инициаторами образования отдельной Астраханской губернии и появления губернатора с особыми полномочиями в целях более эффективного и оперативного решения широкого круга вопросов. Однако в дальнейшем калмыцкие владельцы столкнулись уже с другой проблемой – ограничением своих политических прав и развертыванием широких военных действий в регионе.

Положения **диссертационного исследования, выносимые на защиту**, связаны с рядом основных политических проблем в рамках взаимоотношений калмыков с Российским государством в XVII – первой четверти XVIII в.

1. Со времени появления калмыков на землях Российского государства в начале XVII в. территориальная проблема в русско-калмыцких отношениях стала основной и определяющей. С приходом калмыков в степи Северного Прикаспия на рубеже 1620–1630-х гг. около четверти века ушло на долгие двусторонние переговоры, заканчивавшиеся и вооруженными столкновениями. Принципиальная позиция московских властей о принятии калмыками российского подданства как выполнение основного условия возможности разрешить территориальный вопрос первоначально вызывала

у калмыцких тайшей отторжение. Двусторонние соглашения они рассматривали только как союзническое, основанное на совместной военно-политической договоренности. Кроме того, российские власти не желали ущемлять интересы своих данников-ногайцев и не разрешали занимать их территории. И только с началом русско-польской войны 1654–1667 гг., когда перед московским правительством остро встала необходимость привлечения калмыцкой конницы против крымских татар, Москва не только разрешила калмыкам закрепиться в волго-яицком междуречье, но и впервые стала содействовать переходу калмыцких улусов на правобережье Волги. Отсюда было удобно направлять калмыцкие отряды на Северный Кавказ и Крым.

2. Анализ выявленных архивных материалов позволяет сделать вывод, что в результате миграции к середине этого столетия ойратские этнополитические объединения занимали огромную территорию – от Волго-Донского междуречья до Северного Тибета. В результате такого расселения образовались четыре основные группировки ойратских улусов: волжская – в Северном Прикаспии, сибирская – в Юго-Западной Сибири и на территории современного Восточного Казахстана (чакарские калмыки), джунгарская – на территории современного Синьцзяна и кукунорская – в восточном Тибете. Численность и состав каждой из этих группировок менялись в зависимости от конкретной военно-политической ситуации. Все эти объединения, за исключением кукунорских хошутов, самостоятельно сносились с Российским государством. Образование в 30-х гг. XVII в. в Северном Прикаспии отдельной ойратской группировки улусов, получившей название «волжские калмыки», стало основой для создания в дальнейшем на волжских берегах Калмыцкого ханства. Это кочевое государство продолжало поддерживать отношения с другими ойратскими группировками на востоке.

3. Процесс образования Калмыцкого ханства можно условно разделить на несколько этапов: образование отдельной этнополитической группировки в Северном Прикаспии; консолидация власти в руках первенствующего тайши; самопровозглашение Калмыцкого ханства; признание Калмыцкого ханства Россией. Точкой отсчета провозглашения Калмыцкого ханства можно считать 1647 г., когда Дайчин вернулся в родные кочевья в Северном Прикаспии

из Джунгарии и Тибета, где он был признан ханом большинством представителей верхушки ойратского сообщества и буддийского духовенства, но без наделения соответствующими атрибутами. Однако ханский статус Дайчина не был признан московским правительством. Признание Россией Калмыцкого ханства можно отсчитывать с момента подписания «Договорных статей, учиненных на реке Камышенка, между Калмыцким ханом Аюкой и боярином кн. Борисом Голицыным» от 17 июля 1697 г., когда царские власти впервые использовали в официальном документе ханскую титулатуру калмыцкого правителя. При этом стоит учитывать и тот факт, что еще до этого времени, во второй половине XVII в., многие соседние государства уже признали титул калмыцкого хана.

4. В первой половине XVII в. в русско-калмыцких отношениях неоднократно возникали проблемы из-за несоблюдения договоренностей (например, шертей 1607, 1613, 1623, 1629, 1631, 1648, 1649, 1650 гг.). Отсутствие политического единства в калмыцком обществе, постоянные локальные конфликты калмыков с царскими подданными на приграничной территории неоднократно срывали эти договоренности. Только с заключением шертей 1655, 1657 и 1661 гг. и вступлением калмыцкой конницы в активную фазу продолжающейся русско-польской войны открылась новая страница в русско-калмыцких отношениях. Однако калмыцкие тайши не могли в полной мере развернуть боевые действия против кубанских ногайцев и крымских татар, поскольку их улусы продолжали подвергаться набегам башкир и других царских подданных. По мнению соискателя, действенный выход из этой сложной ситуации нашел астраханский воевода кн. Григорий Черкасский, способствовавший заключению брачного союза в 1662 г. между его племянницей Абуханой и сыном калмыцкого правителя Мончака – Аюкой. Именно такой формат договоренности, основанный на личных связях, получил положительный результат и до 1673 г., когда к власти пришел Аюка, не требовал подтверждений.

5. Проблема христианизации калмыков была всегда одной из основных в ходе русско-калмыцких переговоров. Несмотря на отсутствие в калмыцком обществе на тот период глубокой буддийской традиции (распространение буддизма среди калмыков началось в начале XVII в.), калмыцкие тайши с самого начала резко

негативно отнеслись к набравшему обороты процессу христианизации калмыков. Первыми христианство приняли пленные калмыки, вывезенные в русские города в 40–50-е гг. XVII в., и на первоначальном этапе эти случаи носили во многом частный и случайный характер. Затем этот процесс стал уже носить более массовый характер, и зачастую был связан с проблемой беглых калмыков, не желавших возвращаться к своим владельцам. Принятие христианства рассматривалось ими как залог того, что они не будут выданы обратно. Правительство всячески содействовало этому процессу, законодательно закрепив запрет выдачи калмыцкой стороне крещеных калмыков. По этой причине на переговорах между царским правительством и калмыцкими послами временами возникали споры. Как свидетельствуют шерты 1673, 1677, 1683 и 1697 гг., правительство было заинтересовано в крещении и оседании калмыков в российских городах. Калмыцкий хан Аюка вынужден был признавать факты христианизации калмыков и считаться с ними, но религиозный вопрос, хотя и не был главным в русско-калмыцких переговорах, постоянно фигурировал как раздражитель, придавая напряженный характер отношениям в целом.

6. Одновременно имели место и случаи ухода калмыков на Дон без принятия крещения, но с зачислением на казачью службу, которые довольно часто ставили русско-калмыцкие переговоры в тупик. Калмыцкие тайши в переговорах с представителями российской власти принципиально отстаивали свои позиции по этому вопросу, иногда прибегая к силовым действиям по возврату своих людей. Правительство пыталось выступить в роли посредника в споре тайшей и донских атаманов, не желавших возвращать беглецов. Формально поддерживая претензии калмыцкой стороны, оно подспудно поощряло действия казаков. В смутные периоды, например, в годы булавинского восстания, калмыцкие тайши возвращали своих людей обратно, и уже казачество выступало в роли предъявителя претензии на возвращение донских калмыков, родившихся на Дону.

7. В 70–80-е гг. XVII в. на юге страны разразился затяжной региональный конфликт между калмыками и донскими казаками. Правительство изначально выступало посредником в разрешении этого конфликта, не принимая однозначно чью-либо сторону, по-

скольку было заинтересовано в использовании военного потенциала и калмыков, и казаков в русско-турецких войнах. Особенно этот конфликт усилился после смерти государя Алексея Михайловича в 1676 г. и последующего ослабления центральной власти. Политическая ситуация на юге России в последние десятилетия XVII в. была весьма напряженной, и русско-калмыцкие отношения несколько раз подвергались жесточайшим испытаниям. С приходом к власти Петра Алексеевича и активизацией внешней политики царского правительства на южном направлении русско-калмыцкие отношения стабилизировались.

8. Региональные конфликты на юге Российского государства и постоянно возникавшая идея возвращения калмыков на историческую родину, подогревавшаяся некоторыми представителями буддийского духовенства, желавшими возвращения волжских калмыков в Центральную Азию для усиления позиции джунгар в их долгой борьбе с маньчжурской агрессией, периодически поднимали в калмыцком обществе вопрос об уходе калмыков из пределов России. Смерть джунгарского Галдан Бошогту-хана и провозглашение Далай-ламы VI в 1697 г., приезд в Лхасу миссии Арабджура – все эти события подвигли тибетско-калмыцкие отношения к их активизации на рубеже XVII–XVIII вв. В этот период начались переговоры, целью которых было возможное переселение волжских калмыков на территорию Кукунора для защиты Тибета от маньчжурской агрессии; главным идеологом этого был дэси Сангье Гьяцо, который от имени молодого Далай-ламы VI вел всю внешнюю политику государства. Наделение Аюки ханским титулом в 1698 г. от имени буддийского лидера должно было послужить для него дополнительным стимулом в скорейшей реализации этой идеи. Конфликт 1701 г., в ходе которого Аюка был арестован старшими сыновьями и отправлен в Тибет, был вызван борьбой за власть в правящей ханской семье. Отсутствие у противников хана конкретного плана действий, открытый переход на сторону Аюки большинства влиятельных тайшей и зайсангов, а также всемерная его поддержка царским правительством в конечном итоге склонили чашу весов не в пользу первых. Часть мятежников во главе с Чакдорджабом пошла на примирение с Аюкой, другие во главе с Санджабом пошли на окончательный разрыв и увели 15 тыс. кибиток в Джунгарию.

9. Деятельное участие калмыцкой конницы в подавлении восстаний на юге Российского государства во второй половине XVII – начале XVIII в. стало решающим фактором в недопущении их широкого распространения на соседние регионы. Калмыцкие тайши во главе с Аюкой-ханом остались верны договоренностям, заключенным с российским правительством, и в определенной мере помогли в организации и проведении карательных операций против астраханских, донских и башкирских повстанцев. Присутствие и активные действия калмыцких конных отрядов на Нижней и Средней Волге не позволили астраханскому и булавинскому восстаниям перекинуться в соседние регионы, например, не позволили тем же булавинцам объединиться с башкирскими повстанцами.

10. Активное участие калмыков в войнах России вынуждало их постоянно находиться в состоянии конфликта со многими соседними народами, прежде всего с крымскими татарами и кубанскими ногайцами. Проблема безопасности улусов на переговорах калмыцких владельцев с Москвой ставилась постоянно. Наибольшую угрозу для калмыков представляла Кубанская орда, в разгроме которой они приняли участие в ходе русско-турецкой войны 1710–1713 гг. После набега кубанских ногайцев 1715 г., когда калмыцкие улусы подверглись серьезному разорению, проблема безопасности улусов в русско-калмыцких переговорах стала основной. Впервые по многочисленным просьбам калмыцкого хана Аюки по государеву указу при нем появился постоянный царский представитель с отрядом охранения. Однако решение этой проблемы калмыцкие тайши нашли сами, путем установления союза с кубанским Бахта-Гиреем, а наличие российского отряда при ставке хана оказалось обременительным.

11. Калмыцкое ханство играло весьма значительную роль в охране южных границ России. Наряду с участием в военных кампаниях в ходе Азовских походов, Северной войны, русско-турецкой войны 1710–1713 гг. и Персидского похода, охранная служба калмыков стала одним из основных видов их военной деятельности. Формируя многочисленную иррегулярную конницу и проводя во втором десятилетии губернскую реформу, Петр I в итоге форсировал процесс военно-политической интеграции Калмыцкого ханства в состав России. Но в процессе интеграции по-

прежнему оставались противоречия внешнеполитических интересов сторон. Пограничное положение ханства позволяло проводить достаточно самостоятельную внешнюю политику, в том числе с Крымом, Турцией, Персией, Джунгарией и Китаем.

12. С середины XVII в. представители калмыцкой знати были заинтересованы в особом государственном внимании к проблемам юга России. Это касалось не только обеспечения безопасности калмыцких улусов от внешних угроз, но и урегулирования внутренних конфликтов с российскими подданными, в первую очередь с казаками и башкирами. Образование Казанской губернии, куда входил весь нижневолжский край, создавало серьезные неудобства в коммуникации представителей калмыцкой знати с губернскими властями и столичной администрацией. Постоянно будируя в переговорах с правительством вопрос о присылке в Астрахань уполномоченного с особыми правами, с целью более эффективного и оперативного решения широкого круга проблем, калмыцкие владельцы невольно выступили одними из инициаторов образования отдельной Астраханской губернии. Однако в дальнейшем калмыцкие владельцы столкнулись уже с другой проблемой – ограничением своих политических прав астраханским губернатором А. П. Волынским.

13. В связи со смертью старшего ханского сына Чакдорджаба в 1722 г. и престарелым возрастом хана Аюки остро встал вопрос о престолонаследии. В его решении приняло активное участие и российское правительство, которое не было заинтересовано в разрешении данной проблемы вооруженным путем. В выборе кандидатуры наследника ханского престола правительство исходило из таких важных критериев, как возраст, политический авторитет и лояльность к российской власти. Однако внешнее вмешательство в вопрос о престолонаследии вызывало отторжение и недовольство не только у других калмыцких владельцев, но и у самого выбранного правительством кандидата – Дорджи Назарова. Астраханскому губернатору А. П. Волынскому не удалось предотвратить вооруженный конфликт 1723 г. между владельцами, но влияние на калмыцкие дела он сохранил. Актуальность вопроса и ограниченные сроки для маневров обусловили создание уникальной специфической ситуации, в которой астраханский губернатор самостоя-

тельно выбрал наместника ханства, и Сенат был вынужден согласиться с его решением.

Теоретическая значимость исследования. В научно-теоретическом аспекте анализ взаимодействия Российского государства и калмыков, представленный в диссертационном исследовании, позволил максимально глубоко осветить те проблемы, которые связаны с развитием политических отношений. Сами по себе они довольно непросты, тем более еще недостаточно осмыслены теоретически в аспекте исследования истории создания многонационального государства. Использование и анализ значительного объема опубликованных и неопубликованных источников дает возможность сформулировать обоснованный вывод о том, что проблемы политического взаимодействия Российского государства с калмыками видоизменялись в ходе интеграции калмыцкого народа в социально-политическую систему страны на протяжении XVII – первой четверти XVIII в.

Практическая значимость исследования состоит в том, что материалы и выводы научно-исследовательской работы могут быть использованы при изучении истории межнациональных процессов в России, актуальных в настоящее время. Содержащаяся в работе информация может оказаться полезной для лекционных курсов и учебных пособий по истории Востока (Новое время), истории России, спецкурсу по истории Калмыцкого ханства и истории кочевников в высших учебных заведениях.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения диссертации опубликованы в 61 научной работе общим объемом 138,4 печатных листа, среди которых 4 монографии и 57 статей, из них 21 опубликована в научных рецензируемых изданиях из перечня ВАК при Министерстве науки и высшего образования России. Положения и выводы диссертации прошли апробацию на международных, российских и региональных конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Черкесске, Элисте.

Работа выполнена в рамках гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии:

комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»). Диссертация обсуждалась на объединенном заседании отдела истории, отдела археологии, этнологии и антропологии и лаборатории междисциплинарных исследований востоковедного профиля ФГБУН «Калмыцкий научный центр Российской академии наук».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, в каждой из которых от двух до четырех параграфов (всего четырнадцать), заключения, списка источников и литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы, определены объект и предмет исследования, его хронологические и территориальные рамки, указаны цель, задачи и методология исследования, его научная новизна и практическая значимость, отражена апробация работы, сформулированы основные положения, выносимые на защиту.

В первой главе **«Историография и источники»** проведен научный анализ исторической литературы по теме исследования, дана характеристика источниковой базы диссертации.

Историческую литературу по теме исследования можно условно разделить на три этапа: 1) дореволюционный (XVIII – начало XX вв.); советский (20-е – начало 90-х гг. XX в.); современный (кон. XX – нач. XXI вв.).

Самые первые попытки исследования по истории калмыков XVII в., сопровождавшиеся публикацией документов, были приняты в монументальном труде «История Сибири» выдающегося археографа и историка Г. Ф. Миллера. Здесь автор осветил отдельные эпизоды истории ойратов и русско-ойратские отношения на раннем этапе в Западной Сибири.

В 1761 г. переводчиком Коллегии иностранных дел В. М. Бакуниным была подготовлена работа «Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского и поступков их ханов и владельцев». В работе достаточно подробно описывается история взаимоотношений России с калмыцкими правителями в первой по-

ловине XVIII в., в то время как события XVII в. отражены весьма поверхностно.

Большой вклад в отечественное монголоведение сделал известный путешественник, академик П. С. Паллас. В первом томе книги на немецком языке «Собрание исторических известий о монгольских народах» автор дает краткий экскурс в историю калмыков и подробные родословные тайшей, составленные на основе русских и калмыцких источников.

В XIX столетии количество исследований, посвященных истории калмыков, резко возросло, но в основном их авторы опирались на уже опубликованные материалы. В историографии этого времени существовали различные точки зрения в оценке характера политических отношений России и калмыков. Приход калмыков в пределы России большинство авторов рассматривали в рамках концепции «нашествия кочевников» с целью «восстановления империи Чингис-хана». В русле этой концепции лежит исследование Н. Я. Бичурина (Иакинфа) «Историческое обозрение ойратов, или калмыков, с XV столетия до настоящего времени», основанное на китайских источниках и опубликованных российских законодательных материалах.

К проблеме определения характера русско-калмыцких отношений в XVII в. обращались многие дореволюционные авторы. Так, исследователь Ф. А. Бюлер полагал, что калмыки «были скорее плохие союзники, чем беспокойные подданные». Весьма интересную оценку дал А. Попов, который считал, что все договоры царского правительства с тайшами имели силу только на бумаге, а на деле не выполнялись, так как калмыки «подданство свое России считали не более, как союзничеством. Исходя из такого взгляда, нарушение своих шертей тайши не считали преступлением». В том же духе выразился и Г. И. Перетяткович, который сравнивал подданство калмыцких тайшей с присягой ногайских мирз в XVI в., указывая, что она имела для России более формальное значение, чем по существу дела. Особо стоит отметить точку зрения Н. А. Фирсова, который справедливо отметил, что калмыки смотрели на свои отношения с Русским государством, как на договор между равноправными сторонами или как на меру к достижению определенной цели. С. М. Соловьев. отмечал, что калмыки явля-

лись последними представителями «движения среднеазиатских кочевых орд на запад, в европейские пределы». Но, по мнению автора, это движение запоздало, так как оно натолкнулось на сильную Россию, и калмыки вынуждены были волею-неволею подчиниться власти последней.

Первую попытку периодизации калмыцкой истории предпринял М. Г. Новолетов. Относительно времени исследования пребывания калмыков в России он разделил на два периода. Первый период, который характеризовался полной свободой от царского правительства, по его мнению, продолжался до 1655 г., второй начинается временем принятия Дайчином русского подданства. В 1886 г. появилась статья известного монголоведа А. М. Позднеева «Астраханские калмыки и их отношения к России до начала нынешнего столетия», где приход калмыков к границам Российского государства он объяснял не слабостью «ойратского союза», а напротив – значительным его усилением. Царское правительство XVII в. он обвинял в отсутствии какой-либо определенной политики по отношению к калмыкам, а заключенным многочисленным шертям, как он считал, кочевники никогда не придавали значения.

Новые данные о кочевьях калмыков в начале XVII в. были опубликованы в статье Н. И. Веселовского «Передовые калмыки на пути к Волге». На основе новых архивных данных автор делает вывод о том, что калмыки на Волге появились значительно раньше 1630–1632 гг., как единогласно утверждалось предшественниками. Можно согласиться с другим его выводом о том, что калмыки в тот период представляли собой значительную силу, так как сумели сохранить свою независимость в условиях враждебного окружения.

Во второй половине XIX в. резко увеличивается интерес к истории внешней политики России. Наряду с указанными трудами с широтой и профессиональной осведомленностью были освещены важные страницы военной истории в монографических исследованиях крупнейших русских военных историков Н. Е. Бранденбурга, В. А. Потто.

Тем не менее российская историография XVIII – начала XX вв. достигла определенного уровня, который в немалой степени определяла источниковая база. Своеобразие ее состояло, прежде всего, в использовании практически всего объема опубликованных доку-

ментов и материалов официального происхождения. Огромная масса источников, в том числе и калмыцкие, оставалась вне поля зрения исследователей. Узость источниковой базы определила, в свою очередь, и проблематику исследований. Дореволюционным авторам так и не удалось создать ни одного обобщающего труда по истории калмыков, охватывающего в комплексе все крупные политические проблемы калмыцкой истории. Также им не удалось выработать правильную оценку характера и хода русско-калмыцких отношений в XVII – первой четверти XVIII в. Вместе с тем несомненной заслугой всех дореволюционных авторов является накопление фактического материала и введение в оборот ранее неизвестных источников.

С началом советского периода и получением национальной автономии в калмыцком обществе резко возрос интерес к историческому прошлому, особенно к периоду становления и развития государственности в XVII–XVIII вв. В 1921 г. по приглашению руководства Калмыцкой автономной области архивно-музейную секцию возглавил Н. Н. Пальмов, который в ходе систематизации и описания документов XVIII в. астраханского архива издал целый ряд выдающихся работ, среди которых можно отметить «Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России» и «Этюды по истории волжских калмыков XVII и XVIII века». Но ввиду того, что материалы по истории калмыков XVII и начала XVIII вв. в основном хранились в архивах Москвы и Санкт-Петербурга и были ему малодоступны, по интересующему нас периоду труды проф. Н. Н. Пальмова дали очень немного новых сведений.

В 1929 – начале 1930 г. к изучению истории калмыков XVII в. приступил С. К. Богоявленский. В работе «Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века» ему на основе многочисленных архивных документов впервые удалось осветить в подробностях малоизвестный до этого времени процесс движения калмыцких улусов на запад и опровергнуть ряд ошибочных утверждений своих предшественников.

В годы депортации калмыцкого народа изучение истории калмыков находилось под строгим запретом, не появилось ни одной специальной работы. Лишь отдельные авторы, изучая историю

других народов, попутно сообщали о калмыках. К таким работам, например, можно отнести вышедшую в 1947 г. статью «Башкирское восстание 1662–1664 гг.» Н. В. Устюгова, где весьма подробно раскрывается непростая история калмыцко-башкирских взаимоотношений в 20–60-е годы XVII в., а также капитальный труд А. А. Новосельского «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века», где нашли довольно полное отражение калмыцко-ногайские взаимоотношения в первой половине XVII в. Другая работа А. А. Новосельского – «Исследования по истории эпохи феодализма (научное наследие)» – также имеет большое значение для исследуемой темы, так как в ней подробно изложены события, связанные с набегами калмыцких отрядов на Крым и участием калмыков в русско-польской войне 1654–1667 гг.

С восстановлением калмыцкой автономии в 1957 г. и официальным празднованием 350-летия вхождения калмыцкого народа в состав России в 1959 г. интерес к истории калмыков возрос с новой силой. Особенно актуальным стало изучение истории русско-калмыцких отношений в XVII столетии. В 1960-х гг. этой тематике были посвящены работы П. С. Преображенской «Калмыки в первой половине XVII века. Принятие калмыками (торгоутами и дербетами) русского подданства» и М. Л. Кичикова «Образование Калмыцкого ханства в составе России (1607-1664)». Работа с архивными материалами позволила этим исследователям ввести в научный оборот ранее неизвестные факты по истории калмыков XVII в., определить предпосылки вхождения калмыков в состав Российского государства и установить время образования Калмыцкого ханства.

В дальнейшем материалы П. С. Преображенской и М. Л. Кичикова вошли в третью и четвертую главы первого тома «Очерков истории Калмыцкой АССР» (1967). Также к написанию этого коллективного труда были привлечены и другие известные советские историки: Н. В. Устюгов, И. Я. Златкин, Е. Н. Кушева. Выход в свет «Очерков» стали большим событием в общественной жизни Калмыкии, и многие годы они являлись единственной обобщающей работой по истории калмыков.

В 1964 г. вышло в свет посвященное истории Джунгарского ханства фундаментальное исследование И. Я. Златкина, выдержав-

шее два издания. Данный труд, основанный на богатой источниковой базе, подводит итог изучению истории ойратов более чем за двухсотлетний период. В своей работе И. Я. Златкин опирался преимущественно на русские архивные материалы, но он также впервые широко использовал и монголо-ойратские источники, что, несомненно, положительно сказалось в целом на его исследовании.

Труды Т. И. Беликова и К. П. Шовунова посвящены военной истории калмыков, где тщательно разработано положение о позиции Калмыцкого ханства как верного союзника России в борьбе против Османской империи и ее вассала – Крымского ханства в XVII в. Труды Шовунова более информативны и основаны на более широком круге архивных источников.

В 70–80-е гг. XX в. вышел целый ряд работ М. М. Батмаева по политической истории Калмыцкого ханства, которые открыли новую страницу в исследовании этой темы. Большой интерес для нас представляет его аналитический обзор периода складывания Калмыцкого ханства в составе Российского государства. Несмотря на сложную историческую обстановку, в которой происходило становление ханства, М. М. Батмаев верно указывает на благоприятные факторы, способствовавшие завершению формирования калмыцкой государственности: планы правительства по привлечению военных сил калмыков, положительное решение территориальной проблемы и стабилизация населения улусов.

В 90-е гг. XX в. калмыцкая историческая наука переживает резкий подъем в связи с ростом огромного интереса широкой общественности к истории Калмыкии. Дальнейшее исследование политической истории Калмыцкого ханства продолжил в своих публикациях А. В. Цюрюмов. В работе «Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений» автор отмечает, что появление калмыков в Поволжье упрочило экономические и политические позиции России в регионе, так как они превратили южные границы государства в надежный кордон на пути турецко-крымских войск в центральную часть страны. Приобретение столь важного звена в системе внешней политики России упрочило ее позиции и на международной арене.

Вопросам политических взаимоотношений калмыков с Россией, а также становлению национально-государственного статуса Кал-

мыцкого ханства, посвящены работы К. Н. Максимова, В. И. Колесника. В работе «Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России (XVII–XX)» К. Н. Максимов отмечает, что Россия до середины XVII в. стремилась строить взаимоотношения с калмыками на добровольных договорных началах, основанных на «вассально-сеньориальных отношениях». Со второй половины XVII в. калмыки, юридически оформив и закрепив государственное подданство, добровольно вошли в состав Российского государства, признавшего Калмыцкое ханство «этнополитическим образованием».

В рамках празднования 400-летия вхождения калмыцкого народа в 2009 г. в свет вышел первый том 3-томной «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней». Третий раздел «Истории», авторами которого являются В. П. Санчилов и М. М. Батмаев, полностью посвящен рассматриваемому периоду.

Теме калмыцко-ногайских отношений XVII в. в своих работах уделили внимание В. В. Трепавлов, И. В. Торопицын и Е. В. Кусаинова. В. В. Трепавлов в других работах также рассмотрел вопросы трактовки принятия калмыками российского подданства, их представлениям о русском монархе и пределах подчиненности ему.

Истории калмыцко-башкирских отношений посвящено немало работ, но среди них хотелось бы выделить третий том 7-томной «Истории башкирского народа» и работы И. Г. Акманова, Б. А. Азнабаева. На основе документальных источников и литературы авторы освещают сложный исторический процесс в отношениях двух народов в рассматриваемый нами период.

Роль буддийской церкви в развитии русско-калмыцких отношений очень подробно рассматривается в работах А. А. Курапова. Как верно отмечает автор, на протяжении всего периода существования Калмыцкого ханства верховные ламы калмыков стремились к конструктивному взаимодействию с Российским государством, защищая политические интересы светской элиты и буддийской церкви региона.

Теме истории вооружения кочевников и участия калмыков в войнах России XVII – первой четверти XVIII в. посвящены работы

исследователей Л. А. Боброва, М. А. Рюмина, Ю. С. Худякова, В. А. Артамонова, С. А. Иванюка.

Участие калмыцкой конницы в Северной и Русско-турецкой войне 1710–1713 гг. затронул в своих работах известный исследователь В. А. Артамонов, который, отмечая действенную военную помощь калмыков в войнах России, считает, что Калмыцкое ханство при хане Аюке только формально признавало протекторат царя и проводило независимую политику, поскольку Аюка балансировал между Москвой, Стамбулом и окружающими его мусульманскими народами.

Зарубежная историография не отличается привлечением новых архивных материалов, а ее авторы ограничиваются лишь аналитикой уже известных опубликованных материалов. Французский исследователь М. Куран, основываясь на китайских источниках, полуторавековое пребывание калмыков в инородном окружении рассматривал как вынужденное, но терпимое до тех пор, пока усилившееся Российское государство не начало планомерную экспансию в южном направлении.

В 1966 г. впервые в американской историографии вышел «Калмыцко-ойратский сборник» под редакцией А. Э. Борманжинова и И. Крюгера. Наибольший интерес для нас представляет вышедшая в нем статья русского историка Г. В. Вернадского «Историческая основа русско-калмыцких отношений», в которой он отметил существенную разницу в определении политического положения калмыков и ногайцев в Российском государстве. Ногайцы, замечает Вернадский, определяются в шерти как «вечные холопы», а калмыки – состоящие в «вечном послушании» у царя, что можно определить как разницу между подданством и вассалитетом.

В зарубежных востоковедных изданиях появился целый ряд работ, в которых оспариваются многие выводы советского историка И. Я. Златкина и подвергаются ревизии его изложения ойратской истории и трактовка конкретных событий. К ним можно причислить японскую исследовательницу Джунко Мияваки, которая опубликовала ряд статей по истории ойратов XVII в., применив сравнительно-сопоставительный анализ различных видов источников на разных языках.

Проблеме южных границ России и истории русско-калмыцких отношений XVII–XVIII вв. посвящены работы американского историка М. Ходарковского.

Вопросу о пребывании калмыцких послов в Москве во второй половине XVII в., а также сложному процессу вовлечения калмыков и других кочевых народов Северного Прикаспия в состав Российской империи и разнообразным способам их удержания посвятила свои работы казахстанская исследовательница Ж. Б. Кундакбаева.

Подводя итог, отметим, что российская историография XVIII – начала XX вв. достигла определенного уровня, но в изучении истории взаимоотношений Российского государства и калмыков поднимала далеко не все проблемы. Во многих работах история калмыков в основном рассматривалась через призму русско-калмыцких отношений, когда выделялась роль России в политическом развитии кочевого народа с XVII в. Однако, несмотря на столь длительное и в целом плодотворное изучение истории калмыков XVII и первой четверти XVIII столетий, в современной историографии имеется много лакун. В нашей диссертационной работе многие страницы истории калмыцкого народа и русско-калмыцких отношений в указанных хронологических рамках подвергаются новому прочтению и серьезному переосмыслению.

Благодаря привлечению широкой **источниковой базы**, рассмотрены многие темы и проблемы, которые ранее в историографии сознательно замалчивались или недостаточно освещались.

Источниковую базу исследования составляют как опубликованные, так и впервые вводимые в научный оборот неопубликованные документы центральных и местных органов власти России XVII–XVIII вв. События, излагаемые в работе, связаны с такими регионами, как Северный Кавказ, Причерноморье, Украина, Приуралье, Сибирь, Средняя Азия и Тибет, где калмыки активно контактировали с местными народами. Письменные источники последних довольно слабо представлены в данной работе, поэтому основу источниковой базы составляют официальные документы центральных и местных органов власти России XVII и начала XVIII в. Наиболее значимыми для нашего исследования являются материалы Российского государственного архива древних актов, Архива

внешней политики Российской империи МИДа Российской Федерации и Национального архива Республики Калмыкия.

История калмыцкого народа XVII–XVIII вв. довольно полно отражена в документальных материалах Российского государственного архива древних актов. В фондах государственных учреждений, ведавших связями с калмыками, сохранилось большое количество документов делопроизводственного характера, составляющих документальную основу в нашем исследовании. При подготовке данной работы особое внимание уделялось комплексному изучению еще неопубликованных материалов Посольского приказа, состоящего из нескольких фондов: 111 («Донские дела»), 112 («Дела едиссанских, ембулуцких, буджацких и едичкульских татар»), 115 («Кабардинские, черкесские и другие дела» или «Кабардинские дела»), 119 («Калмыцкие дела»), 123 («Сношения России с Крымом» или «Крымские дела»), 127 («Сношения России с ногайскими татарами» или «Ногайские дела»).

Материалы по истории калмыков XVII в. также широко представлены в фонде 178 («Астраханская приказная изба») научного архива Санкт-Петербургского института истории РАН. Кроме отписок астраханских воевод и правительственных указов, часто дублирующихся в фонде Посольского приказа, этот фонд содержит большое количество первичных материалов по сношениям с калмыками. Это, в первую очередь, записи или «памяти» о приездах калмыцких посланцев в Астрахань, выдаче им и приславшим их тайшам жалованья. Подобного рода записи характеризуют развитие дипломатических связей воевод с калмыками.

Все эти архивные материалы можно классифицировать следующим образом: отчеты царских воевод различных городов Сибири, Приуралья, Поволжья, Северного Кавказа и Украины; грамоты Посольского Приказа и Приказа Казанского дворца; отчеты и доклады русских послов и посланцев, служилых людей, посещавших калмыцкие улусы для ведения переговоров; показания пленных, беженцев и торговых людей; записи приема калмыцких послов в различных русских городах и Москве; договоры и шертные записи, а также грамоты царей; переписка калмыцких тайшей и ногайских мирз с различными органами власти России.

Важное место среди источников занимают документы Национального архива Республики Калмыкия. В первую очередь это материалы фонда И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе», где отложились копии указов центральных органов власти, донесений и рапорты по «калмыцким делам» астраханского обер-коменданта М. И. Чирикова и губернатора А. П. Волынского, а также письма хана Аюки и других владельцев в оригинале и переводах. Здесь отложились и копии документов отчетного характера от лиц, исполнявших в улусах различные поручения астраханской и царьцынской администраций, переписка с органами управления на Дону, Яике, в соседних губерниях.

Краткий обзор всех названных выше групп источников свидетельствует о чрезвычайном их богатстве и разнообразии. Значение русских архивных документов трудно переоценить, поскольку они содержат сведения о внутреннем положении и внешней политике калмыков, данные об экономической, общественно-политической и культурной жизни калмыков в XVII–XVIII вв. Но при работе с такими материалами необходимо принимать во внимание характер тех или иных сведений, их достоверность, поскольку в них запечатлены вольные или невольные следы политической конъюнктуры.

При рассмотрении сборников материалов, относящихся к истории калмыцкого народа и изданных в дореволюционное время, прежде всего бросаются в глаза их бессистемность и большие хронологические разрывы между опубликованными документами. Весьма значительное их количество по отдельности было опубликовано Археографической комиссией в отдельных томах «Русской исторической библиотеки», «Актов исторических» и в «Дополнениях к Актам историческим». В «Актах Московского государства» представлены документы из дел Московского стола Разрядного приказа, благодаря чему в оборот вошли документы, отражающие историю взаимоотношений калмыков с южнорусскими городами.

Основная масса материалов о калмыках встречается в сборниках документов, посвященных истории других народов России. Взаимоотношения калмыков с донскими казаками отражены в актах материалов «Донские дела», изданных в серии «Русская историческая библиотека», и «Крестьянская война под предводительством

Степана Разина». В «Актах, относящихся к истории Южной и Западной России», мы встречаем сведения о контактах калмыков с украинским населением в период русско-польской войны. Материалы, опубликованные в таких изданиях, как «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.» и «Материалы по истории Башкирской АССР», проливают свет на отношения кочевников с народами Северного Кавказа и Приуралья. Специальные издания таких источников, включая переводы из сочинений восточных авторов, как «Материалы по истории Туркменской, Таджикской и Узбекской ССР» и «Материалы по истории туркмен и Туркмении», освещают лишь отдельные эпизоды взаимоотношений волжских калмыков с народами и государствами Средней Азии.

Важнейшие документальные материалы по истории калмыков XVII в. публикуются в сборнике «Посольские книги по связям России с Калмыцким ханством. 1672–1675 гг.». Основным источником здесь выступает статейный список астраханского воеводы Я. Н. Одоевского, где размещен текст шерти калмыцких тайшей во главе с Аюкой 1673 г. Документы сборника помогают уяснить характер русско-калмыцких отношений в 70-е гг. XVII в., стремления сторон и методы, применяемые ими для достижения своих политических целей.

Особую группу документов составляют историко-юридические памятники. Среди них, конечно, «Полное собрание законов Российской империи» и монголо-ойратские законы 1640 г. Составленные на съезде ойратских и монгольских владельцев, законы очень ярко отражают общественное устройство этих народов того времени, дают возможность охарактеризовать различные слои общества, выявить их экономическое и политическое положение. В XIX в. появились два издания этих законов: изданные Ф. И. Леонтовичем в 1879–1880 гг. и К. Ф. Голстунским в 1880 г. В. Л. Котвичем дана подробная характеристика всех переводов и разных изданий монголо-ойратских законов.

К наиболее полным и достоверным источникам по истории ойратов XVII в. можно отнести «Лунный свет» – биографию виднейшего ойратского религиозного и политического деятеля, просветителя и составителя ойратско-калмыцкого алфавита Зая-пандиту (1599–1662), написанную его учеником Раднабхадрой. Существен-

ным дополнением могут служить и калмыцкие историко-генеалогические сочинения XVIII–XIX вв.: «История дурбэн-ойратов» Габан Шараба, «История дурбэн-ойратов» Батур-Убаши Тюменя, «Краткая история калмыцких ханов» и «История Хо-Урлюка» анонимных авторов.

Изучая историю калмыков, невозможно обойти вниманием и сочинение среднеазиатского автора Абуль-Гази «История монголов и татар». Сведения о калмыках в нем имеют случайный характер, но использование этих источников вкупе с русскими и калмыцкими материалами расширяет наши возможности в изучении этого периода.

Таким образом, расширение источниковой базы и ввод в научный оборот значительного пласта новых русских архивных материалов позволили представить более полную и последовательную картину событий политического взаимодействия Российского государства и калмыков в XVII – первой четверти XVIII в. Преобладание в этих документах сведений о русско-калмыцких отношениях стало определяющим фактором в выборе темы данной работы. Однако назвать представленный материал исчерпывающим в изучении данного вопроса нельзя, поскольку дальнейшее выявление в российских и зарубежных архивах документов и материалов, касающихся русско-калмыцких отношений, позволит дополнить или уточнить картину событий того времени.

Во второй главе **«Российское государство и калмыки на начальном этапе взаимоотношений»** проведен анализ характера русско-калмыцких отношений в Западной Сибири и Северном Прикаспии в начале XVII в., подробно рассмотрены первые контакты калмыков с органами управления и населением Астрахани в 1630-е гг., а также изучен политический кризис в русско-калмыцких отношениях в 1640-е гг. и его преодоление.

На рубеже XVI–XVII вв. началось новое перемещение кочевников, главными участниками которого выступали уже ойраты или калмыки. Монголо-ойратские войны второй половины XVI – начала XVII в. стали главной причиной исхода большей части ойратов с территории Восточного Алтая и Джунгарии в степи Юго-Западной Сибири. Столкнувшись на сибирском направлении с вооруженными силами Московского государства и находясь в условиях затяж-

ного внутреннего противостояния, часть ойратов не смогла здесь обеспечить себя безопасными кочевьями. Более успешными оказались их действия при продвижении в юго-западном направлении – в степи Эмбо-Яицкого и Волжского бассейнов. На этих путях они одержали верх над ногайцами, оттеснили их за Волгу, частично подчинили своей власти и вошли в соприкосновение с торговым и опорным пунктом России в Северном Прикаспии – Астраханью. Стремление калмыков закрепиться в этом регионе становится все более настойчивым, поскольку здешние степи представлялись им весьма удобным местом для кочевков. Попытки правительства противостоять продвижению калмыков на запад и удержать ногайцев на левобережье Волги успеха не имели. Однако и калмыки, не имея официального разрешения от русских властей, около четверти века не могли здесь считать себя полноправными хозяевами.

В течение 30-х гг. XVII в. калмыки так и не смогли окончательно закрепиться в волжском регионе. Кратковременные набеги, совершенные калмыками на астраханских ногайцев и татар в 1630, 1633, 1635 гг., можно рассматривать не как их приход на Волгу, а как эпизодические появления, имевшие место и ранее. Попытки калмыков подойти к Астрахани и перейти Волгу в 30-е гг. XVII в. не имели положительного результата. Появление калмыков западнее Яика царским правительством рассматривалось как нарушение границы, и на переговорах власти неоднократно требовали откочевки их улусов именно за Яик. Русские источники свидетельствуют, что первое появление калмыков в этом регионе можно рассматривать и как борьбу калмыцких тайшей с Российским государством за влияние на соседние тюркские народы. Именно в 1643 г. часть ногайских улусов впервые добровольно вливается в состав Калмыцкой орды, что серьезно осложняло русско-калмыцкие отношения.

Необходимость продажи скота и лошадей и приобретения товаров подталкивала калмыцких тайшей к установлению прочных торговых связей с российскими городами. Но когда царское правительство по разным причинам отказывало калмыкам в такой возможности, они начинали оказывать силовое давление. Подобные действия, однако, не способствовали развитию добрососедских отношений. Попытка силового решения сложившейся ситуации при-

вела к разгрому калмыков на Северном Кавказе и ответным военным ударам русских войск на Волге в 1644 г., что резко ухудшило и без того непростые русско-калмыцкие отношения и в целом положение калмыцких улусов в Северном Прикаспии.

Дальнейшее перемещение торгутских улусов в западном направлении встречало на первых порах неодобрительное отношение со стороны царского правительства. Из Москвы неоднократно поступали в Астрахань указы, запрещающие калмыкам кочевать в Волго-Яицком междуречье, а ходатайства тайшей о разрешении кочевать по Волге неизменно отклонялись царскими властями. Самостоятельный выход калмыков на Волгу и Дон в то время не отвечал интересам царского правительства, но, с другой стороны, это давало возможность использовать калмыцкую конницу для охраны слабо укрепленных южных и юго-восточных границ России. Географическая близость, взаимовыгодная торговля и общность интересов в борьбе против кубанских ногайцев и крымских татар определяли необходимость установления широких контактов между калмыками и донскими казаками. Царское правительство, понимая, что в лице калмыков может получить внушительную военную силу в борьбе против Крымского ханства, в дальнейшем всячески поощряло данный процесс, хотя и стремилось взять его под свой контроль. Заключение калмыцко-донского военного союза в 1648 г. состоялось раньше, чем окончательно было достигнуто русско-калмыцкое соглашение, принятое во второй половине 1650-х гг., и послужило своего рода толчком к дальнейшей интеграции кочевого народа в политическую орбиту России. С калмыцкой стороны также преследовались определенные цели, заключавшиеся в расширении территории кочевий в Нижнем Поволжье, а значит, в возможности совершать военные походы с целью захвата ногайских улусов и трофеев на территории Северного Кавказа и Причерноморья.

Русско-калмыцкие переговоры 1640-х–1650-х гг. выявили всю палитру политических взглядов, дипломатических традиций, мировоззрений, культуры и т. д. Правительство убедилось в своеобразном понимании тайшами шерти – они рассматривали эту присягу как союзный договор, а не как признание подданства с вытекающими из этого обязательствами. Поэтому оно избрало более жесткий курс по отношению к калмыкам: ограничение торговли в рус-

ских городах и организация военных экспедиций в ответ на калмыцкие набеги. Но ультиматумы и угрозы, сыпавшиеся с обеих сторон, не способствовали укреплению отношений.

В третьей главе **«Вхождение калмыцкого народа в состав Российского государства»** рассмотрены русско-калмыцкие отношения в период их значительного укрепления и вступления калмыков в русско-польскую войну 1654–1667 гг., русско-калмыцкие отношения в 1662–1672 гг. в период политического кризиса на юге России, связанного с разинским восстанием.

Решающее значение в изменении политики России по отношению к калмыкам имела начавшаяся в 1654 г. русско-польская война. Выступление Крымского ханства на стороне Польши привело к активизации русско-калмыцких переговоров на качественно ином уровне. Теперь стороны от языка ультиматумов и угроз перешли к поискам взаимоприемлемых решений, шли на определенные уступки друг другу. Царское правительство кардинальным образом пересматривает свое отношение к вопросу о районе калмыцких кочевий. Калмыцкие тайши со своей стороны все больше склоняются к мысли о необходимости принять на себя определенные политические обязательства, а правительство согласилось предоставить калмыкам свои рынки в Поволжье.

В 1655 г. в документах впервые встречается упоминание о том, что калмыкам может быть предоставлено право кочевать по Волге. Понятно, что это разрешение было обусловлено обязательством тайшей принять непосредственное участие в войне против Крыма и Польши. Но только после шерти 1657 г. тайшам было официально разрешено кочевать по обоим берегам Нижней Волги. Спустя год уход калмыков из-под Астрахани царское правительство рассматривало уже как нарушение договоренностей. Русско-калмыцкие отношения оформлялись письменными актами – шертями. В течение 1655–1657 г. калмыцкие тайши дали 3 шерти, каждая из которых подтверждала и конкретизировала содержание предыдущей. Затягивание переговорного процесса в указанные годы во многом объяснялось невыполнением обеими сторонами в полной мере взятых на себя обязательств.

Шерти 1661 г. большей частью носили характер военных договоров, и вспомогательное калмыцкое войско уже было задейство-

вано совместно с русскими и украинскими вооруженными силами против Крыма и Польши. Правительство назначило тайшам денежные годовые жалованья и, начиная с 1658 г., регулярно их выплачивало. Об особом положении калмыков в Российском государстве говорит хотя бы тот факт, что в 1661–1662 гг. была образована временная приказная комиссия – Приказ калмыцких дел под управлением боярина В. Г. Ромодановского, которая ведала формированием калмыцких вооруженных сил для посылки их против Крымского ханства и на театры военных действий. Функции этого приказа в дальнейшем перешли к астраханским воеводам.

Следует признать, что ключевую роль в форсировании русско-калмыцких переговоров сыграл боярин Г. С. Черкасский. Именно ему и его команде, в которую входил и его племянник К. М. Черкасский, удалось добиться положительного результата в урегулировании отношений с калмыками и привлечь их к военной службе России. Г. С. Черкасский, учитывая неудачный опыт предыдущих переговоров с калмыками, стал выстраивать свои отношения с тайшами на абсолютно новой основе – в отказе от практики аманатства и установлении личных связей. Заключение династического брака между сыном Мончака, Аюки, и племянницей Г. С. Черкасского, Абуханы, стало поворотным моментом в русско-калмыцких отношениях, событием, закрепившим политический договор.

В 1664 г. Мончак получил от правительства знамя и другие атрибуты, символизировавшие признание его заслуг. Военная служба, по существу, становится формой вассальных обязательств калмыков перед Россией. Организация военных походов для калмыцких тайшей оставалась главным способом обогащения – за счет отгона скота, захвата пленных и имущества у противника.

Рассмотрение русских архивных источников позволяет сделать вывод, что калмыцкие тайши, участвуя в русско-польской войне на стороне Москвы, планировали если не ликвидировать, то значительно ослабить позиции Крымского ханства в северокавказском и причерноморском регионах. Но запланированному продвижению калмыков в причерноморские степи помешала очередная волна ойратской миграции с востока. Многочисленные улусы хошутских и дербетских тайшей, не желая подчиняться джунгарам, двинулись

на занятые торгугами земли в Северном Прикаспии. Новопривывших тайшей во главе с Аблаем, видимо, не устраивала второстепенная роль в отношениях с Москвой, тем более что последний в Западной Сибири был главным союзником русских.

Разинское восстание произвело сильное впечатление не только на казаков и крестьянство юга России, но и на калмыцкое население. С одной стороны, харизма С. Разина, его личная храбрость, которую калмыки не раз наблюдали в совместных походах на Крым, привлекали кочевников. С другой – договоренности с правительством обязывали тайшей действовать против повстанцев. Антиразинские настроения калмыков окончательно сформировались после погрома повстанцами калмыцких и едисанских улусов в 1669–1670 гг. Попытки С. Разина после этого договориться с тайшами и привлечь их на свою сторону уже не имели успеха. Внутренние усобицы, имевшие место в калмыцком обществе, по времени совпали с этим восстанием и невольно способствовали расширению района антиправительственных действий С. Разина.

В четвертой главе **«Российское государство и калмыки в 1672–1700 гг.»** рассмотрены русско-калмыцкие отношения в период русско-турецкой войны 1672–1681 гг., анализируется роль калмыков в системе международных отношений в 1681–1690 гг., а также политическое состояние русско-калмыцких отношений в конце XVII в.

Восхождение на политический небосклон молодого тайши Аюки происходило в условиях сложной обстановки того времени. Но ему в конечном итоге удалось ликвидировать все препятствия на пути преодоления политического кризиса в калмыцком обществе. Заключение шерти 1673 г. открыло новую страницу в истории русско-калмыцких отношений XVII в. Поддержание традиции взаимоподдержки в условиях сложной международной ситуации в Восточной Европе предопределило укрепление позиции России в этом регионе, а калмыцкое общество, со своей стороны, обрело на долгое время внутреннюю стабильность. Укрепление русско-калмыцких отношений свидетельствовало о продолжении политики деда Дайчина и отца Мончака, видевших в этом главную гарантию обеспечения безопасности калмыцких кочевий.

Документальный материал показывает, что у калмыков имелись довольно оживленные, охватывавшие достаточно широкий круг населенных пунктов, торговые отношения с русским населением, в которые были вовлечены представители различных слоев. Тем не менее в указанное время российский рынок был не единственным, и у калмыков продолжали сохраняться торговые связи в Средней Азии, на Северном Кавказе, в Крыму и турецких владениях. Именно это вызывало недовольство царского правительства, что объяснялось внешнеполитическими соображениями.

Правительственная политика в отношении с калмыками всегда сообразовывалась с обстановкой на юге страны, с задачами и целями, которые решались на том или ином отрезке времени в этом регионе. Калмыцкие тайши оказывали довольно активную поддержку властям в подавлении восстаний, хотя наряду с такой помощью они одновременно пытались действовать и в своих интересах, вовсе не относящихся к подавлению восстания.

В период деятельности правительства Софьи Алексеевны русско-калмыцкие отношения переживали глубочайший кризис, сопровождавшийся постоянными вооруженными столкновениями калмыков с донскими казаками и башкирами. Слабость центральной власти не позволила вовремя исправить конфликтную ситуацию на юге страны. А падение роли и авторитета Аюки в глазах правительства, особенно после его активного участия в башкирском восстании в 1681–1683 гг., только усугубило обстановку в регионе.

После заключения шерты 1684 г. Аюка направил свою военно-политическую активность против государств и народов Средней Азии, а также против некоторых владельцев Северного Кавказа. В это время почти прекратились нападения калмыков на царских подданных, но вместе с тем и их военная служба резко сократилась. Правительство Софьи Алексеевны почти вдвое сократило жалование Аюке и другим тайшам, что, конечно, резко ухудшило их отношение к царской администрации. Как результат – крымские походы В. В. Голицына были полностью проигнорированы или саботированы тайшами.

В начале 1690-х гг. столкновения калмыков с башкирами и казаками вновь приняли широкий размах, что участило приезды кал-

мыцких посланцев в Москву. Ссоры калмыков с соседями предпринималось улаживать местным властям. В ответ на это тайши активизировали свои отношения с Турцией и Крымом, а также с казаками и каракалпаками по поводу совместных действий против казачков.

Ситуация на юге России на рубеже XVII–XVIII вв. была весьма напряженной. Она длилась все последние десятилетия XVII в., и русско-калмыцкие отношения несколько раз подвергались жестоким испытаниям. С приходом к власти Петра Алексеевича и активизацией внешней политики царского правительства на южном направлении, в связи с азовскими кампаниями, эти отношения стали меняться в положительную сторону. Начало русско-турецкой войны и личное присутствие государя на юге страны сподвигли на серьезное вмешательство в дела калмыков и донских казаков, когда конфликтная ситуация между ними достигла критического уровня. Стороны довольно скоро нашли возможность ее немедленного разрешения путем переговоров и заключения нового соглашения. 17 июля 1697 г. между калмыцким ханом Аюкой и боярином князем Б. А. Голицыным на реке Камышинка были заключены «Договорные статьи».

Упрочение позиции Аюки в Калмыцком ханстве и России способствовало повышению его политического авторитета в монгольском мире, который был признан и духовными лидерами Тибета. Действительно, оформление духовной властью высокого положения Аюки как правителя кочевого государства произошло в 1698 г., когда Далай-лама VI возвел его в ранг хана, пожаловав ему ханскую грамоту и печать. Именно с этого времени царское правительство официально признало Аюку ханом, поскольку с этого времени в официальных документах он стал именоваться этим титулом.

В пятой главе «**Россия и Калмыцкое ханство в первой четверти XVIII века**» рассмотрены русско-калмыцкие отношения в начале XVIII в., а также роль Калмыцкого ханства на южном порубежье России в 1705–1719 гг., изучены русско-калмыцкие отношения в период образования Астраханской губернии.

На рубеже XVII–XVIII вв. в кругу высшей калмыцкой знати возникла идея ухода с территории России на восток, инициатором

которой выступило тибетское духовенство во главе с Далай-ламой VI и дэси Сангье-Гьяцо. Главным препятствием в реализации этой идеи оставались отсутствие единства в калмыцком обществе и центробежные процессы, выражавшиеся в массовом отходничестве калмыков на Дон. Именно эти обстоятельства, а также нежелание части калмыцкой элиты уходить на восток, не давали Аюке решимости на окончательный уход из России. Идею возвращения на историческую родину в конечном итоге подхватили его старшие сыновья. Конфликт 1701 г. был вызван и борьбой за власть в правящей ханской семье, что выглядело своего рода попыткой «дворцового переворота». Но в дальнейшем мятежники встретились с сопротивлением той части калмыцкой элиты, которая категорически была против ухода на восток. Отсутствие у мятежников конкретного плана действий, открытый переход на сторону Аюки большинства влиятельных тайшей и всемерная его поддержка царским правительством в конечном итоге склонили чашу весов не в пользу первых. Часть мятежников во главе с Чакдорджабом пошла на примирение с Аюкой, другие во главе с Санджабом пошли на окончательный разрыв и ушли в Джунгарию.

Калмыцкие тайши во главе с Аюкой-ханом остались верны договоренностям с царским правительством. Без колебаний они приняли его сторону и организовали помощь в борьбе с донскими, астраханскими и башкирскими повстанцами. Присутствие калмыков на Средней Волге не позволило булавинскому восстанию перекинуться на соседние регионы, а его участникам расширить район своих действий, в том числе и объединиться с башкирскими повстанцами.

Калмыцкое и Крымское ханства как вассально-зависимые государства приняли самое активное участие в Русско-турецкой войне 1710–1713 гг. Однако с установлением перемирия напряженность на границах продолжала сохраняться, особенно на Кавказе. После участия в Кубанском походе 1711 гг. калмыцкий хан Аюка постоянно испытывал давление со стороны кубанских ногайцев, пытавшихся совершить ответный набег на калмыцкие улусы. И хотя российское правительство обещало оказать военную поддержку калмыкам в случае вторжения неприятеля, Аюка не испытывал твердой уверенности и продолжал вести самостоятельные переговоры с

кубанскими ногайцами. Русско-турецкие договоренности о мире не гарантировали этого между их вассальными ханствами. В работе показано, что Калмыцкое ханство играло, если не ключевую, то весьма значительную роль в охране южных границ России. Таким образом, Российская и Османская империи для достижения своих внешнеполитических целей периодически сталкивали соседние народы друг с другом, вовлекая их в свои военные конфликты, что в конечном итоге приводило к огромным людским и материальным потерям.

Участие калмыцкой конницы в Дербентском походе и роль хана Аюки в этих событиях неоднозначны. С одной стороны, он всецело поддерживал завоевательную политику Петра Великого, выставляя калмыцкую конницу для участия в военных кампаниях, в том числе и на Северном Кавказе. С другой стороны, в условиях сложнейшей международной обстановки он продолжал поддерживать добрососедские отношения с правителями соседних северокавказских народов, в том числе и с теми, кто действовал против интересов России. Причина столь терпимого отношения российского правительства к подобной политике калмыцкого хана кроется в том, что в противостоянии Османской империи и Ирану Россия не желала портить отношения с правителем Калмыцкого ханства, рассчитывая и в дальнейшем использовать его военный потенциал.

С начала XVIII в. наблюдается важная тенденция: правительственная политика была ориентирована не только на привлечение вооруженных сил Калмыцкого ханства в войнах против Швеции и Турции, но и на интеграцию и ограничение института ханской власти в системе российской государственности. Территория новообразованной Астраханской губернии являлась плацдармом дальнейшего продвижения российских интересов на Кавказ и Среднюю Азию, поэтому основной целью властей стало обеспечение безопасности империи. В результате в губернии была создана упрощенная система административного надзора над Калмыкией, предполагавшая вмешательство в калмыцкие дела только в случае нарушения безопасности во всем регионе Нижнего Поволжья и Северного Кавказа. В 1715–1723 гг. российское правительство расширяет сферу своего влияния путем активного вмешательства во внутри- и внешнеполитические мероприятия хана (выбор буду-

щего наследника ханского престола, контроль за деятельностью Аюки). Одним из главных аргументов для такого вмешательства декларировалось стремление установить порядок на русско-турецкой границе и обезопасить население ханства от внутренних усобиц и внешней агрессии.

Накануне смерти Аюки-хана в 1724 г. в Калмыцком ханстве наступил длительный период междоусобиц, начавшихся как конфликт за улусы умерших бездетными тайшей, но в итоге затронувших вопрос о верховной власти. Seriously обострила этот вопрос и смерть в 1722 г. старшего сына Аюки, Чакдорджаба, который владел самым многочисленным улусом и большим потомством сыновей, претендовавших на власть.

В решении вопроса о престолонаследии в ханстве российское правительство приняло активное участие, и оно не было заинтересовано в решении проблемы вооруженным путем между претендентами. Выбор правительством кандидатуры Дорджи Назарова на ханский престол был обусловлен такими критериями, как пожилой возраст, политический авторитет и лояльность к российской власти. Однако внешнее вмешательство в вопрос о престолонаследии вызывало недовольство не только у других калмыцких владельцев, но и обеспокоенность за личную безопасность самого кандидата. Астраханскому губернатору А.П. Волинскому так и не удалось предотвратить вооруженный конфликт 1723 г. между молодыми владельцами, но влияние на калмыцкие дела он продолжал сохранять. Ответственность за назначение наместника ханства взял на себя астраханский губернатор, а правительство лишь согласилось с его решением.

В заключение работы подводятся итоги исследования и формулируются основные выводы.

Появление калмыков в Западной Сибири в начале XVII в. явилось следствием как сложных социально-экономических и политических процессов, происходивших внутри ойратского общества, так и тяжелой международной ситуации в Центральной Азии. В рамках концепции добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства в качестве исходной даты берется прибытие одного из первых посольств в Москву в начале XVII в. С самого начала царское правительство пыталось поставить калмы-

ков в подчиненное положение, что вызывало естественное отторжение со стороны последних. Тайши предлагали правительству мир, торговлю и военное сотрудничество на основе взаимных обязательств. Но правительство выдвигало вопрос о подданстве как необходимым условии для дальнейшего разрешения вопросов о торговле и кочевьях. Правительство усиленно добивалось, чтобы шерти калмыков не носили формального характера, а гарантировались выдачей аманатов. Другими словами, Москва не желала видеть калмыцких тайшей в качестве равноправных партнеров международных отношений.

Во внутренней жизни царское правительство старалось урегулировать отношения калмыков с непосредственными соседями-подданными России, обезопасить волжский торговый путь, наладить торговые отношения и т. п. Калмыцкие тайши старались получить максимально возможную автономию, не всегда подчиняясь правительственным указам, совершали набеги на русские уезды. Эти негативные моменты порождались и поддерживались рядом обстоятельств. Решение территориального вопроса, известная централизация власти, уменьшение междоусобиц, прикочевки значительных групп калмыков из Джунгарии и Сибири привели к сравнительному усилению Калмыцкого ханства, что активизировали самостоятельные акции тайшей.

После окончательного оформления отношений с Россией калмыцкие тайши еще долго сохраняли политическую самостоятельность. Это выражалось в сохранении тайшами независимости в решении вопросов внутренней жизни калмыцкого общества и в признании за калмыками свободы внешних сношений с зарубежными государствами. Соглашение с Россией создавало калмыкам более благоприятные социально-экономические условия и обеспечивало относительную безопасность их кочевий от нападений соседей, хотя отчетливо видится, что царское правительство в полной мере не контролировало действий своих подданных. Развитие торговых связей во многом компенсировало потери, понесенные калмыками в результате природных катаклизмов и набегов соседних кочевых народов, и одновременно создавало условия для постепенной их интеграции в Российское государство.

Правительственная политика в отношениях с калмыками всегда сообразовывалась с обстановкой на юге страны, с задачами и целями, которые решались на том или ином отрезке времени в этом регионе. Калмыцкие тайши оказывали довольно активную поддержку властям в подавлении восстаний, хотя наряду с такой помощью они одновременно пытались действовать и в своих политических интересах. Если говорить о причинах, влиявших на ход русско-калмыцких отношений в рассматриваемый период, то нужно сразу же указать на сложную обстановку на юге страны. Отголоски разинского восстания, раскольническое движение, башкирское восстание 1681–1683 гг., русско-турецкие войны и непрекращавшиеся набеги кочевников выдвигали ряд сложных проблем, при решении которых царская власть пыталась найти в этом регионе более широкую социальную и национальную опору, в том числе и в лице калмыков.

Калмыцкое ханство сыграло значительную роль в охране южных границ Российского государства в первой четверти XVIII в. Несмотря на небольшой вклад калмыков в военную кампанию Северной войны, в целом их значение на театре действий было значимым: охранные функции стали одним из главных видов их военной деятельности. Калмыцкое ханство становится важным форпостом России в волжско-донском регионе и степях Северного Прикаспия.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНО В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Монографии

1. Тепкеев, В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века / В. Т. Тепкеев; отв. ред. В. П. Санчилов. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2012. – 376 с.

2. Тепкеев, В. Т. Калмыки в Северном Прикаспии во второй трети XVII века: проблемы политических взаимоотношений / В. Т. Тепкеев; отв. ред. А. Н. Команджаев. – Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2014. – 448 с.

3. Тепкеев, В. Т. Ойраты в начале XVII века / В. Т. Тепкеев; отв. ред. А.Н. Команджаев. – Элиста: КИГИ РАН, 2015. – 198 с.

4. Тепкеев, В. Т. Аюка-хан и его время / В. Т. Тепкеев; отв. ред. А. Н. Команджаев. – Элиста: КалмИЦ РАН, 2018. – 366 с.

Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК

5. Тепкеев, В. Т. Об отношениях калмыков с донскими казаками в 40-е годы XVII века / В. Т. Тепкеев // Научная мысль Кавказа. – 2011. – № 1-2 (65). – С. 13–17.

6. Тепкеев, В. Т. Хан Аюка: первые годы правления / В. Т. Тепкеев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2011. – № 1. – С. 35–42.

7. Тепкеев, В. Т. Первые контакты калмыков с органами управления и населением Астрахани в начале 30-х годов XVII века / В. Т. Тепкеев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2011. – № 2. – С. 11-16.

8. Тепкеев, В. Т. О пребывании калмыцких послов в Москве в конце 1650-х – начале 1660-х годов / В. Т. Тепкеев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2012. – № 1. – С. 74-78.

9. Тепкеев, В. Т. Участие калмыков в русско-польской войне 1654–1667 гг. / В. Т. Тепкеев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2012. – № 2. – С. 89-94.

10. Тепкеев, В. Т. О появлении первых крещеных калмыков в Москве в середине XVII в. / В. Т. Тепкеев // Новый исторический вестник. – 2012. – № 33 (3). – С. 18–25.

11. Тепкеев, В. Т. «От него, крымского хана, правды и постоянства нет»: набег калмыцких отрядов на Крым во время Русско-польской войны 1654–1667 гг. / В. Т. Тепкеев // Новый исторический вестник. – 2013. – № 38 (4). – С. 9–27.

12. Тепкеев, В. Т. Русско-калмыцкие переговоры и шерт 1657 г. / В. Т. Тепкеев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2013. – № 4. – С. 5–9.

13. Тепкеев, В. Т. Посольство Ивана Горохова в калмыцкие улусы в 1661 г. / В. Т. Тепкеев // Вестник РГГУ. – 2013. – № 10. – С. 9–17.
14. Тепкеев, В. Т. Калмыцко-ногайские отношения в начале XVII века / В. Т. Тепкеев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2014. – № 2. – С. 16-21.
15. Тепкеев, В. Т. К вопросу о причинах откочевки ойратов из Центральной Азии в Сибирь в начале XVII века / В. Т. Тепкеев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – № 2. – С. 15–16.
16. Тепкеев, В. Т. Русско-ойратские отношения в 1607–1608 гг. / В. Т. Тепкеев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2015. – № 4. – С. 8–15.
17. Тепкеев, В. Т. Джунгары на юге России в конце XVII века / В. Т. Тепкеев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2016. – № 3. – С. 12–18.
18. Тепкеев, В. Т., Санчилов, В.П. Калмыцко-тибетские отношения на рубеже XVII-XVIII вв. / В. Т. Тепкеев, В.П. Санчилов // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2016. – № 4. – С. 12–20.
19. Тепкеев, В. Т. Религиозный вопрос в русско-калмыцких отношениях (XVII век) / В. Т. Тепкеев // Вестник Удмуртского университета. – 2017. – Т. 27. – Вып.1. – С. 24–29.
20. Тепкеев, В. Т. «Пребывает ли во здравии Великий Белый хан?»: история самого раннего письма калмыцкого владетеля русскому царю (1642 год) / В. Т. Тепкеев // Новый исторический вестник. – 2017. – № 4(54). – С. 111–120.
21. Тепкеев, В. Т. Участие калмыков в подавлении Булавинского восстания / В. Т. Тепкеев // Новый исторический вестник. – 2017. – № 3(53). – С. 6-19.
22. Тепкеев, В. Т., Борликов, Г. М. Взаимоотношения калмыков с народами Северного Кавказа в контексте военно-политических контактов в середине XVII века / В. Т. Тепкеев, Г. М. Борликов // Былые годы. – 2018. – №. 50(4). – С. 1388-1396.
23. Тепкеев, В. Т. Участие калмыков в Дербентском походе 1722 г. / В. Т. Тепкеев // Oriental Studies. Вестник КИГИ РАН. – 2018. – 3. – С. 15–22.

24. Тепкеев, В. Т. «Велено Кубань Его Царскому Величеству покорить или разорить»: Участие калмыков в Русско-турецкой войне 1710–1711 годов / В. Т. Тепкеев // Новый исторический вестник. 2018. – 2(56). – С. 103–120.

25. Тепкеев, В. Т., Бембеев, Е.В. «Я очень возрадовался тому, что по указу Великого Белого Царя наше дело будет решаться». Письма калмыцкого хана Аюки к государю Петру Алексеевичу и канцлеру Г. И. Головкину в 1714 г. / В. Т. Тепкеев, Е.В. Бембеев // Вестник архивиста. – 2020. – 1. – С. 223–235.

Научные публикации в других изданиях

26. Тепкеев, В. Т. Первые столкновения калмыков с Крымским ханством в середине XVII века / В. Т. Тепкеев // Молодежь в науке: проблемы, поиски, перспективы: сб. науч. ст. – Элиста: КИГИ РАН, 2007. – Вып. IV. – С. 30–36.

27. Тепкеев, В. Т. Первое появление калмыков на Северном Кавказе в 1644 г. / В. Т. Тепкеев // Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития. Мат. науч.-практ. конф. – Элиста: КИГИ РАН, 2007. – С. 31–35.

28. Тепкеев, В. Т. Политический кризис в калмыцком обществе в конце 60 – начале 70-х гг. XVII в. / В. Т. Тепкеев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2008. – № 2. – С. 32–36.

29. Тепкеев, В. Т. Формирование северо-прикаспийской группировки ойратов в XVII веке / В. Т. Тепкеев // VI съезд востоковедов России: Улан-Удэ, 17-21 сентября 2008 г.: Тезисы. – М.: Институт востоковедения РАН, 2008. – С. 83–86.

30. Тепкеев, В. Т. Некоторые сведения о дипломатических контактах хана Аюки с Османской империей начала XVIII века / В. Т. Тепкеев // Современные реалии социально-политических процессов в Республике Калмыкия: состояние и перспективы: сб. мат. науч.-практ. конф. – Элиста: Калм. технолог. ин-т, 2008. – С. 242–250.

31. Тепкеев, В. Т. Калмыки и Волжско-Каспийский торговый путь в 30-40 гг. XVII века / В. Т. Тепкеев // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая. Мат. Межд. науч. конф. – Элиста: КИГИ РАН, 2008. – Ч. 1. – С. 90–98.

32. Тепкеев, В. Т. Историческое обозрение писем ойратских тайшей середины XVII в. (по материалам РГАДА) / В. Т. Тепкеев // Мат. Межд. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее», посвященной 400-летию добровольного вхождения калмыцкого народа в состав Российского государства. – Элиста: КИГИ РАН, 2009. – Ч. 2. – С. 621–624.

33. Тепкеев В. Т. Междоусобная борьба ойратов 1625 – 1630 гг. и первое поселение калмыков в Северном Прикаспии / В. Т. Тепкеев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2009. – № 2. – С. 10–14.

34. Тепкеев, В. Т. Манжи-Ялбо и борьба за власть в правящем «торгутском доме» в начале 60-х гг. XVII в. / В. Т. Тепкеев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2009. – № 1. – С. 10-14.

35. Тепкеев, В. Т. Русско-калмыцкие переговоры и шерть 1673 г. / В. Т. Тепкеев // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2010. – № 1. – С. 45-51.

36. Тепкеев, В. Т. Тайша Мончак и русско-калмыцкие отношения в середине 1660-х гг. / В. Т. Тепкеев // Астраханские краеведческие чтения: сб. ст. – Астрахань: Издатель: Сорокин Роман Васильевич, 2010. – С. 128–134.

37. Тепкеев, В. Т. Астраханский воевода Я. Н. Одоевский в урегулировании русско-калмыцких отношений в начале 70-х гг. XVII века / В. Т. Тепкеев // Научный вестник АФ ВАГС: сб. науч. ст. Волгоград: Изд-во ВАГС, 2010. – Вып.4. – С. 95–100.

38. Тепкеев, В. Т. Письмо торгутского тайши Лузана 1642 г. как одно из ранних письменных свидетельств ойратов XVII века / В. Т. Тепкеев // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. Научные чтения памяти Н.Э. Масанова: сб. мат-лов Межд. науч. конф. – Алматы: Print-S, 2010. – С. 94–100.

39. Тепкеев, В. Т. Русские источники о пребывании хутугты Заяпандиты у волжских калмыков в 1645 – 1646 гг. (по материалам РГАДА) / В. Т. Тепкеев // Память мира: историко-документальное наследие буддизма. Материалы Международной научно-практической конференции. – М.: ООО «Изд-во Ипполитова», 2011. – С. 258–264.

40. Тепкеев, В. Т. К вопросу о переходе ногайских (едисанских) улусов в состав Калмыцкой орды в 1643 г. / В. Т. Тепкеев // Взаимодействие культур народов Прикаспия. – Элиста, 2011. – С. 148–150.

41. Тепкеев, В. Т. К вопросу о переходе группы калмыков на Дон в 1698 г. / В. Т. Тепкеев // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат. Межд. науч. конф. (20–23 сентября 2011 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2011. – Ч. II. – С. 133–136.

42. Тепкеев, В. Т. Кочевья ойратов накануне монголо-ойратского съезда 1640 года / В. Т. Тепкеев // Монголоведение. – 2011. – Вып. 5. – С. 9–18.

43. Тепкеев, В. Т. Посольство дербетского тайши Далай-Батура в Москве в 1630 г. / В. Т. Тепкеев // Халимагийн Монгол судлал. BIBLIOTHECA OIRATICA – XXIII. – Улаанбаатар, 2011. – С. 48–53.

44. Тепкеев, В. Т. Калмыцко-ногайские отношения в 40-е годы XVII века / В. Т. Тепкеев // Ногаеведческий сборник: сборник научных статей. Актуальные вопросы истории и культуры ногайцев. – Астрахань: Изд-во «Color», 2012. – Вып. 1. – С. 94–105.

45. Тепкеев, В. Т. Калмыки на защите южных рубежей московского государства в XVII в. (Крымский поход К.М. Черкасского в 1675 г.) / В. Т. Тепкеев // Калмыки в укреплении российской государственности: Мат. Регион. науч.-практ. конф. – Элиста: КИГИ РАН, 2012. – С. 25–29.

46. Тепкеев, В. Т. Некоторые исторические сведения XVII в. о ногайском поэте Казы-Тугане / В. Т. Тепкеев // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему. Мат. Первой Межд. науч.-практ. конф. – Черкесск: КЧГУ им. У.Д. Алиева, 2014. – С. 91–94.

47. Тепкеев, В. Т. Калмыцко-донские отношения в 1672–1675 гг. / В. Т. Тепкеев // Научное наследие профессора А. П. Пронштейна и актуальные проблемы развития исторической науки (к 90-летию со дня рождения выдающегося российского ученого). Мат. Всерос. (с межд. участием) науч.-практ. конф. – Ростов-н/Д.: Фонд науки и образования, 2014. – С. 524–529.

48. Тепкеев, В. Т. Ойрато-казахские отношения в первой половине XVII века / В. Т. Тепкеев // Булантинская битва: История исследований. Научно-информационный альбом. – Улытау: Нац. ист.-культ. и природ. зап.-музей «Улытау», 2015. – С. 104–109.

49. Тепкеев, В. Т. Территориальный вопрос в русско-калмыцких отношениях накануне появления улуса Хо-Урлюка в Северном Прикаспии в 1630 г. / В. Т. Тепкеев // Пальмовский вестник: сб. ст. – Элиста: Нац. музей РК им. Н. Н. Пальмова, 2015. – Вып.2. – С. 40–49.

50. Тепкеев, В. Т. XVII зууны сүүлээр Оросын өмнө хэсэгт Зүүнгарын өөлддүүд ирж нутагласан нь / В. Т. Тепкеев // Эрдэм шинжилгээний бичиг. № 397 (34). ТҮҮХ XIII. Улаанбаатар, 2014. С. 16–28.

51. Тепкеев, В. Т., Ойрато-казахские отношения в первой половине XVII века / В. Т. Тепкеев // Национально-освободительная борьба казахского народа. Булантинская битва. – Астана: Казахский научно-исследовательский институт культуры, 2015. – С. 165–173.

52. Тепкеев, В. Т. Взаимоотношения Калмыцкого ханства с южным порубежьем России накануне политического кризиса начала XVIII в. / В. Т. Тепкеев // Magna Adurgit: Historia Studiorum. – 2016. – № 1. – С. 34–49.

53. Тепкеев, В. Т., Нацагдорж Ц. Калмыцкое письмо 1685 г. как одно ранних письменных свидетельств хана Аюки / В. Т. Тепкеев, Ц. Нацагдорж // Монголоведение. – 2016. – Вып. 8. – С. 12–15.

54. Тепкеев, В. Т. Откочевка Санджаба в Джунгарию: причины, ход и последствия / В. Т. Тепкеев // Magna Adurgit: Historia Studiorum. – 2016. – № 2. – С. 96–112.

55. Тепкеев, В. Т. Документы по истории калмыцко-дагестанских отношений в период Персидского похода 1722–1723 гг. (по материалам Национального архива Республик Калмыкия) / В. Т. Тепкеев // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. – 2017. – Вып.1. – С. 6–14.

56. Тепкеев, В. Т. Исторические связи между Калмыцким ханством и Тибетом в XVII веке / В. Т. Тепкеев // Историко-культурные связи Монголии и Тибета: сб. ст. – Минзу, 2017. – С. 274–275.

57. Тепкеев, В. Т. Политическое состояние русско-калмыцких отношений в конце XVII в. / В. Т. Тепкеев // *Magna Adsurgit: Historia Studiorum*. – 2017. – № 1. – С. 25–31.

58. Тепкеев, В. Т. Калмыцко-донские отношения в период Азовских походов 1695–1696 гг. / В. Т. Тепкеев // *Magna Adsurgit: Historia Studiorum*. – 2017. – № 2. – С. 7–13.

59. Тепкеев, В. Т. Формирование письменной традиции у волжских калмыков в середине XVII века / В. Т. Тепкеев // Сетевое востоковедение: образование, наука, культура: мат. Межд. науч. конф. – Элиста: КалмГУ, 2017. – С. 404–407.

60. Тепкеев, В. Т. Кабардинский вопрос в калмыцко-крымских отношениях / В. Т. Тепкеев // *Magna Adsurgit: Historia Studiorum*. – 2018. – № 1. – С. 62–69.

Тепкеев, В. Т. Взаимоотношения Калмыцкого ханства и Кубанской Орды в 1712–1715 гг. / В. Т. Тепкеев // *Magna Adsurgit: Historia Studiorum*. – 2018. – № 2. – С. 15–34.